

ТВОРЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

Образы наших современниц

ЕСТЬ слово «трепетность». Смысл в нем широкий, но чаще связано оно с понятием особенного душевного волнения — по существу сильного и глубокого, а по выражению — застенчивого, робкого.

В Челябинском драматическом театре работает артистка своеобразной творческой индивидуальности — Людмила Аринина. И когда задумываешься над созданными ею сценическими персонажами, тут же всплывает это выражение — душевная трепетность, хорошая, чистая черта юности.

Свойственна эта черта многим сценическим персонажам, сыгранным Ариной в разных спектаклях: и Варе Калининской («За час до рассвета»), мужественной, овеянной романтикой комсомольских строев; и душевно открытой, с каким-то озорным и веселым вызовом Женьке Шульженко («Фабричная девчонка»), и Марте («Деревья умирают стоя») — бедной испанской девушке, искавшей смысл существования в призрачных мечтах; — нашедшей его в самой жизни, какой бы она ни была эта жизнь, пусть даже самая нелегкая.

С разными драматическими характерами встречается Л. Аринина. Открыта страница новой пьесы — и уже на Аринину «смотрит» еще незнакомая, но уже своя, неповторимая, героиня, со своими привычками, мышлением, со своим характером — жестким или мягким, приветливым и мужественным, или слабым, пассивным. Люди разных крайностей встают перед актрисой, и все они «трепещут» четкого, подробного воплощения, психологически мотивированного, тонкого.

Так и поступает актриса. Все ее роли сыграны в психологически углубленной манере. Она идет к познанию сердца и мысли своих героинь от, казалось бы, очень маленьких, но таких характерных деталей поведения... Больше всего Л. Аринина удаются роли наших современниц. И здесь сквозит каждый бытовой штрих сценического характера, проглядывает особый, поэтический склад человеческой души: какая-то лирическая встречаемость, чувство радостной неизведанности будущего и чуть-чуть девичья странность, слитая воедино с горячим порывом молодости.

Иными словами, разным созданиям актрисы присуще и единое, идущее от неповторимой индивидуальности исполнительницы.

Вот почему, когда роль явно несвойственна артистической индивидуальности Ариной, актриса добивается наименьшего успеха. Так случилось с исполнением роли комиссара в спектакле «Оптимистическая трагедия». Суровые, приподнятые интонации, монументальная форма этой роли

не сочетались с артистическим опытом Ариной.

И все же даже здесь актриса нашла сцену, где ей удалось «вздыхнуть по-своему». Один из эпизодов она решает в лирическом, близком для нее, плане. Когда перед нами возникают землянка комиссара, наскоро сколоченный стол и толпан из молодых

березок. — мы видим женщину-комиссара в легкой блузке, такую милую, по-домашнему простую, трогательную... Пишет письму маме... Вспоминает ее лицо, улыбается... От свежих березовых стволов и от веточек белой акации, вставленных в утрюмую латунную гильзу, веет весенним и лирическим.

Однако Аринина ничего не могла изменить в «голубой», насыщенной хрестоматийными добродетелями, роли Ольги в спектакле «Почему улыбались звезды». Одаренность и мастерство помогли лишь снять явную фальшь с этого персонажа, но о какой-либо актер-

ской удаче здесь говорить не приходится.

Актерские удачи... Их много у Ариной за последние годы. Удач у актеров бывают разных свойств. Так, исполнителю может удастся показ личных качеств человека, то есть конкретного, живого характера, но часто в этих случаях сужается тема образа, глущится его общественное звучание, из образа уходит типическое.

Удача в характерном и одновременно в типическом раскрытии образа — вот о чем мечтает любой артист.

Работа Л. Ариной над ролью Варе Калининской является примером, когда в точно схваченном человеческом портрете обнаруживаются и типические, обобщенные черты советского молодого человека.

Л. Аринина преднамеренно усложняет характер Варе Калининской во имя его духовной полноты и жизненной многогранности. Ариной противна всякая вульгаризация, упрощение черт современного человека. Ту же Варю можно было бы сыграть весьма обычно, но актриса ищет в каждом душевном движении Варе сложный и тонкий рельеф переживания, то и дело уводя свой образ от прямолинейных моментов.

Ее Варя — не просто смелая девушка. Смелость у Варе сочетается с робостью. Вот она загорелась, увлекшись разговором, а собеседник сказал что-то неловкое, нарушив ее состояние непосредственности, и Варя смолкла. Сидит смущенная, мучительно придумывая, с чего бы возобновить разговор.

Она начинает свою трудовую жизнь в очень уж «несолидном» пальто-коротышке. Она вытягивает свою длинную шейку, жадно впитывая каждое слово собеседника.

Но вместе с тем Варя дышит воздухом нови. Варя выходит в просторы героического, но все это без рывка, резкого и стремительного, а в каком-то гармоническом спокойствии, словно бы светясь тихой радостью — радостью познания нового — и в людях, и в себе, и в любимом.

И снова мы узнаем в Варе ту самую черту — черту юности, о которой коснулись в начале нашего рассказа. Трепетное, высокое стремление познать новое, новую жизнь, новых людей... Ведь и Варе и всем героиням Ариной совсем еще немного лет. Все впереди. Жить интересно и увлекательно!

Ю. ЛИДИН

* * *

На снимке: Л. Аринина в роли Варе Калининской («За час до рассвета»).

Фото А. Ходова.